

КОРНИ

Роман ИЛЬЯСОВ

Предыдущие публикации – в №№ 378 – 391

Он указал на 4 папки, лежащие на столе. Взял с этой стопки верхнюю, самую тонкую папку и сказал: «Это дело Якова Рубинова – того самого подследственного, о котором я говорил с вами в столовой. Здесь донос от соседей, протокол обыска, опись на конфискацию книг и его личных записей. А там я подобрал ещё три дела для вас. Планирую более подробно поговорить об этих делах, когда мы встретимся, – в 3 часа». - «Товарищ Палачёв, я зашёл поговорить с вами по срочному делу не терпящему отлагательства, – относительно Рубинова Якова» - «Слушаю вас, товарищ Михайлов». «Я только что узнал, что подследственный Рубинов посажен в карцер», - начал Михаил. «Да, я знаю», - подтвердил старший следователь. - Ему не повезло. Не успели его посадить в камеру, как через несколько часов там произошло три убийства». «Вот именно, через несколько часов!» - подхватил Михаил. - И поэтому очевидно, что он не виноват в происшедшем. Кроме того, его посадили в карцер, не проверив его состояние здоровья. Я считаю эти действия очень опрометчивыми. Кроме того, в одиночных карцерах помещено по несколько человек. Там недостаток воздуха. Я беспокоюсь, что, если состояние здоровья подследственного Рубинова неудовлетворительное, он может не выдержать 24 часа – и тогда, вместо него, оттуда вынесут его труп. А если он на самом деле шпион, то я уверен, что нам, а в первую очередь вам, непоздоровится, когда в управлении НКВД узнают, что мы его убили, не выяснив, с кем он имел связи».

Михаил заметил, что старший следователь побледнел, а в глазах его появились страх и некая растерянность. Однако быстро взял себя в руки и стал говорить повышенным тоном: «Товарищ Михайлов, мы действовали согласно предписаниям и инструкциям. Имело место чрезвычайное происшествие! Три трупа в одной камере! Мы имеем право в целях наказания и скорейшего дознания сажать в карцеры не только тех, кто совершил убийства, но и сообщников и дающих лживые показания свидетелей. К тому же, это не было только моим решением – посадить их в карцер. А о том, что подследственному Рубинову Якову не был проведён медицинский осмотр, я в первый раз слышу от вас. Кто вам сказал об этом?» «Начальник тюрьмы», - ответил Михаил. «Начальник тюрьмы был первым инициатором направить всех в карцеры. Он не предупредил меня, что подследственному Рубинову не был проведён медицинский осмотр. Спасибо, товарищ Михайлов, что вы мне сказали об этом. Я дам срочное указание перевести под-

Раввин из Коканда

следственного Рубинова Якова из карцера в камеру».

«Тов. Палачёв! - продолжал Михаил. - Раз уж так получилось, что подследственный Рубинов оказался в той самой камере, где были совершены три убийства, не могли бы вы передать расследование этого дела мне? «Я обдумую ваше предложение, - сказал начальник следственного отдела. - Хотя постоит».

Михаил заметил, что он что-то обдумывает. Потом он подошёл к стопке, которую приготовил для Михаила, изъясил оттуда три папки и сказал: «Хорошо. Я принимаю такое решение. Вместо этих трёх дел, которые я для вас приготовил, поручаю вам дело с тремя убийствами. Но учтите, товарищ Михайлов: произошло ЧП! И поэтому вы не можете тянуть с этим делом. В трехдневный срок вы должны положить мне на стол полный расклад этого дела. Зайдите ко мне в три часа – я передам вам всю документацию с протоколами по этому делу и проведу с вами небольшой инструктаж. Также планирую определить к вам ещё одного следователя. Вы можете не успеть допросить всех 17 подследственных один. Распределите допрашиваемых между вами двумя. Но вся ответственность за проведение дела будет лежать на вас».

«Тов. Палачёв, - сказал Михаил. - Поскольку я отвечаю за ведение дела, хотел бы иметь полную независимость и принимать самостоятельные решения по всем вопросам этого дела». «Что вы конкретно имеете в виду?» - настороженно спросил старший следователь. «Я имею в виду, что хочу подойти к этому делу по своему усмотрению. Хочу действовать на допрашиваемых своими личными приёмами и методами. Возможно, в большинстве случаев они будут отличны от приёмов и методов, применяемых здесь к подследственным раньше». - «Товарищ Михайлов, все методы хороши, если они приносят результаты. Поэтому действуйте по своему усмотрению, но уложите в три дня». - «В таком случае, - сказал Михаил, - отмените, пожалуйста, своё распоряжение о заключении семнадцати заключённых на 24 часа в карцерах. Всех, кто находится сейчас в карцерах, рассадите по разным камерам, чтобы они не имели возможности обсуждать между собой мои допросы, которые я планирую начать сегодня».

«Хорошо, - сказал старший следователь. - Я передам начальнику тюрьмы, чтобы он выполнил вашу просьбу». - «Если позволите, товарищ Палачёв, я сам сообщу ему об этом сейчас». - «Я не думаю, товарищ Михайлов, что вы его застанете в настоя-

щее время на территории тюрьмы», - сказал начальник отдела, посмотрев на часы. - Он любитель ранних обедов, хотя иногда обстоятельства заставляют его задержаться. Попытайтесь. И не забудьте – ровно в три встречаемся здесь». «До трёх», - кивнул Михаил, поспешно выходя из кабинета.

Начальник тюрьмы шёл в сторону ворот и уже собирался покинуть территорию, но приостановился, заметив спешащего к нему Михаила. «Товарищ Расторгуев, - издали, впопыхах начал Михаил. - Я только что беседовал со старшим следователем. Он передал это дело – с тремя убийствами – мне. И, как ответственный за это дело,

Дочь и правнучки Якова Рубинова

я вас прошу срочно распределить всех 17 подследственных, находящихся в карцерах, в 17 камер». «О-го, как говорится, с места в карьер! - удивился начальник тюрьмы. Чувствуется деловая хватка следователя. Я вам, товарищ Михайлов, пророчу неординарное будущее: стремительный подъём или низкое падение. То или другое – это будет зависеть от многих обстоятельств, но в основном от вас самого».

Начальник тюрьмы обратился к охраннику у ворот: «Передайте старшему мой приказ: отделение охраны – к карцерам», - и поспешил в сторону здания, откуда только что вышел Михаил.

Кабинет начальника тюрьмы находился напротив следственного отдела. «Нам повезло, - сказал он Михаилу, открывая сейф в своем кабинете. - После сегодняшней отправки заключённых в лагерь, будет легко подобрать 17 камер со свободными местами. - Он вынул журнал из сейфа и выписал из него номера семнадцати камер. Я, товарищ Михайлов, всё сам организую, а вы можете заниматься своими делами». «Я бы хотел, чтобы перевод заключённых в камеры производился в моём присутствии. Это возможно?» - спросил Михаил. «Всё что не запрещено, то возможно, - сказал начальник тюрьмы, выходя из кабинета. - Это ваше право».

Отделение охраны стояло уже у карцеров, когда Михаил и начальник тюрьмы подошли туда.

- Давайте станем в противоположную сторону, товарищ Михайлов, чтобы не мешать выводу заключённых из карцеров, - предложил начальник тюрьмы.

Потом он стал инструктировать охрану: «В каждом карцере находятся двое или трое заключённых. Вы должны выводить оттуда по одному заключённому и объявлять номер нашивке заключённого. А я вам после этого укажу, в какую камеру его отвести. 17 заключённых будут заключены в 17 камер. Если нет вопросов, можете приступать».

Старший отделения охраны подошёл к первой двери карцера, отпер её и стал медленно открывать. Изнутри начал медленно вываливаться обесиленный, полуживой арестант в одном нижнем белье. Два охранника подхватили его с левой и правой сторон и выволокли его наружу. «Стоять!» - крикнул старший отделения охраны оставшимся внутри карцера арестантам, и тут же запер двери.

Охранники старались держать свои головы подальше от арестанта, чтобы не чувствовать запах пота. Михаил с ужасом смотрел на это зрелище. Нижнее белье арестанта взмокло. Глаза его были навывкате. Ноги еле держали, казалось, почти безжизненное тело. «1556-й, - громко прочёл номер на нашивке старшего отделения охраны. «Ведите его в камеру 26», - дал указание начальник тюрьмы, записывая номер арестанта на бумагу.

Охранники поволокли арестанта по коридору. «Это ужасно», - тихо произнёс стоявший позади начальника тюрьмы Михаил.

Начальник тюрьмы услышал слова Михаила. «Привыкайте, товарищ Михайлов, - сказал он. - Такая у нас, а теперь и у вас, работа».

«Пошевеливайтесь, хлопчики, - обратился он к охране. - Нам нужно успеть до обеда закончить с этим».

Второй и третий арестанты в этом карцере находились в таком же состоянии, что и первый, и были выведены таким же образом. Михаил стоял, бледный, со сжатыми губами. Начальник тюрьмы заметил это и сказал Михаилу: «Я бы вам посоветовал удалиться. Понимаю, что в первый раз трудно смотреть на всё это. Вы не беспокойтесь. Я всё сделаю как следует, согласно правилам и предписаниям». «Нет, я останусь», - ответил Михаил.

В течение 15-ти минут из шести карцеров было выведено 14 человек, находившихся в таком же состоянии.

Старший отделения охраны подошёл к последнему карцеру, отпер двери и стал медленно открывать двери. Михаил стоял напротив двери. Он увидел, как из камеры стал вываливаться человек в очках. Он был в беспамятном состоянии. Чтобы он не упал наружу, на пол, изнутри его придерживал человек с бородой. Двое охранников подхватили заключённого и стали оттащить его от двери.

Михаил увидел, что вместе с человеком с бородой в карцере находился несовершеннолетний мальчик с заплаканными глазами, измученным, изнурённым лицом. Он всхлипывал, дрожал и со страхом выглядывал наружу. Человек с бородой наклонился к нему и стал его успокаивать: «Держись, Барух, кажется, всё кончилось. Нас выпускают отсюда».

Продолжение следует